

УДК [81'42:801.1]: 930.85

**МИФОЛОГО-НАРРАТИВНЫЙ ДИСКУРС ПРОИЗВЕДЕНИЙ
ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА (60–70-е гг.)**

Г.Д. Данильченко

Рассматриваются произведения Ч. Айтматова, в которых писатель обращается к мифологическим сюжетам, позволяющим понять взаимосвязи прошлого и настоящего: проследить истоки народного мировосприятия, найти их отзвуки в настоящем и увидеть их трансформацию в будущем.

Ключевые слова: миф; фольклор; предания; мифологические мотивы; эпические элементы; исторические проблемы; цивилизация.

MYTHOLOGY-NARRATIVE DISCOURSE OF WORKS OF CHINGIZ AITMATOV (THE 60–70TH)

G.D. Danilchenko

The article considers Ch. Aitmatov's works in which the writer addresses to the mythological plots allowing to understand interrelations of the past and the present, to track sources of national attitude, and to find their repercussions in the present and their transformation in the future.

Key words: myth; folklore; legends; mythological motives; epic elements; historical problems; civilization.

Современная наука понимает миф неоднозначно. Существует, по меньшей мере, три известных интерпретации мифа в исторической науке. Первая интерпретация связана с архаическим периодом человеческой истории, где главным признаком мифа является синкретизм, “упрощенная образная схема мира, объясняющая и предписывающая определенный образ действий” [1, с. 178]. Вторая трактовка связана с художественным мифом, распространенным в литературе. Третье значение мифа связано с процессами ремифологизации XX в. и возрождением механизмов архаического мифа. В исторических вопросах, имеющих политическую значимость, невозможно представить существование неидеологизированной картины исторического процесса. Об этом пишет Марк Ферро в своей книге “Как рассказывают историю детям в разных странах мира” [2]. В данной статье использована трактовка мифа, связанная со вторым значением, то есть с художественным мифом, распространенным в литературе. Проблемы мифологии в творчестве Ч. Айтматова волнуют и литературоведов, и историков, и культурологов, и представителей других наук, о чем свидетельствует огромный пласт отечественной научной литературы [3–12].

Отметим, что интерес к народной мифологии и фольклору характерен уже для ранних рассказов Ч. Айтматова. Так, рассказ “Сыпайчи” начинается

старинным преданием киргизов Таласской долины о том, как молодой джигит, который собирался украсть девушку, живущую на другом берегу реки Талас, не мог переплыть разлившуюся и разбушевавшуюся реку. Предприняв несколько попыток переплыть бурные воды, он теряет коня, и сам чуть не лишается жизни. Юноша так и не смог переплыть бурную реку, потеряв и девушку, которую украл более удачливый джигит. А через несколько дней река утихла, вошла в свои берега, и уже ничего не напоминало о недавней стихии. Это предание представляет собой небольшой рассказ в рассказе, помогает писателю высветить главную его идею: человек с успехом может соперничать с силами природы. И пусть не удалось сказочному джигиту одержать победу в битве с рекой, но пришли другие времена, когда люди могут противопоставить стихии силу разума, силу прогресса. Рассказ “Сыпайчи” заканчивается эпизодом усмирения реки, которую люди заковывают в бетон и заставляют работать на себя.

Идея научно-технического прогресса, весьма актуальная в 60–70-е гг., находит отражение и в других произведениях Ч. Айтматова. Например, в повести “Верблюжий глаз” описано покорение человеком Анархайской степи, а Ильяс, главный герой повести “Тополек мой в красной косынке”, одержим идеей покорить перевал, загрузив

не только машину, но и прицеп. Время рекордов, время борьбы со стихиями, время, когда советский человек стремился доказать себе и всему миру, что именно человек, а не природа диктуют свою волю.

В 70-е гг. Ч. Айтматов, продолжая использовать мифологические сюжеты в своих произведениях, передает через них иные идеи. Изменилась история, поменялись исторические акценты, и раньше, чем обычные люди, это почувствовали писатели. В культурологии это явление получило название “кассандрово начало”. Смысл его состоит в том, что писатели обладают даром предвидения, да только никто не верит их предсказаниям. А в сущности, они оказываются правы, и их предчувствия сбываются. В повестях 70-х гг. “Пегий пес, бегущий краем моря”, “Ранние журавли”, “Белый пароход” мифологические элементы несут уже другую, более емкую функцию. Литературоведы, исследующие творчество Ч. Айтматова, подчеркивают, что “фольклорные элементы выступают как прием, передающий трагическое в жизни героя, помогают раскрыть внутренний мир человека, используя эпические мотивы” [13, с. 48].

В “Белом пароходе” миф о Рогатой Матери-Оленихе несет замечательную историческую идею: нет ничего важнее благодарной памяти потомков. А когда они (потомки) начинают забывать о своих корнях, происходят серьезные исторические катаклизмы, которые могут привести к гибели всего народа. Нет ничего долговечнее, чем историческая память о том, кто мы такие, откуда мы, и что мы оставим после себя для своих детей и внуков. Легенда, которую так светло несет по жизни старый Момун, завещает потомкам бережно относиться ко всему живому. Но из всех героев повести только Мальчик может жить в гармонии с этим миром, где и камень, и портфель, и рыба и весь живой и нежилой с точки зрения взрослого человека мир обладают душой. Эта глубокая мысль о почитательном отношении к ушедшим предкам, прозвучавшая в 70-х гг. XX в., трансформируется в последующее десятилетие в еще более глобальные мысли. “Легенда о манкурте” уже не просто предупреждает о том, что надо помнить о печальном опыте предков, она уже настойчиво призывает человечество помнить имя свое и имена предков своих, отвечать за каждый шаг свой на земле. Земные проблемы перерастают в планетарные, и это особо отчетливо проявляется в романах “Плаха”, “Когда падают горы (Вечная невеста)”, “Тавро Кассандры”.

Многие писатели современности опираются в своих произведениях на “фольклор как источник национальной самобытности. Айтматов считал, что наиболее плодотворным путем в освоении фольклора является использование мифологем.

Осознанно и целенаправленно он использовал мифы разных народов (киргизского, казахского, нивхского) в своих повестях и романах”, – пишет Ч. Мамытбекова в статье “Особенности творчества русскоязычных писателей Средней Азии” [14, с. 280]. С точки зрения исследователя, “притча помогает выявлению скрытой сущности вещей, дает опосредованную характеристику внутреннему состоянию героев романа” [14, с. 281].

Добавим, что использование мифов Айтматовым выполняет еще одну, немаловажную, на наш взгляд, задачу – именно через миф показывал Айтматов великую связь времен, связь прошлого с настоящим и будущим. И чем более зрелым становилось творчество великого кыргызского писателя, тем чаще он обращался к истокам истории народов мира, тем больше он чувствовал глубокую связь между всеми народами мира. Связь, которая философски выражалась в мифологии и фольклоре. Исследователь творчества Ч. Айтматова Г. Гачев писал: “Изучение быта и мышления, мифов первобытных народов, сделанное наукой XX века (Тэйлор, Фрэнгер, Леви Брюль, Леви-Стросс и др.), обнаружило следующее парадоксальное соотношение: чем глубже погружаться в древность народов и их воззрений, тем более на одно лицо начинают они выглядеть. Сходные орудия производства: топор, игла, колесо; аналогичные системы кровнородственных отношений; однотипные мифы о происхождении неба, земли, солнца, человека и т. п. Разнообразие, выходит, не на этом, древнейшем, уровне начинается, и, может быть, именно история создает лицо народа?” [15, с. 30]. На свой собственный вопрос о том, что возможно только история создает лицо народа, Г. Гачев отвечает утвердительно: “Выходит, национальное есть итог исторического развития народа. Человек современный более национально своеобразен, чем древний. Достоевский – более русский, чем князь Игорь, Генри Форд более американец, чем Джордж Вашингтон, генерал де Голль более француз, чем рыцарь Роланд и т. д. Следовательно, радеющий о национальном своеобразии должен заботиться о прогрессе, об интенсивном развитии производств и техники, о цивилизации и культуре, о максимальном общении с другими народами, ибо лишь в ходе контактов и сравнений обнаруживается и шлифуется свое – то, чего нет у других” [15, с. 31]. При способности природы к своим, постоянно растущим потребностям, бурное развитие прогресса – с одной стороны, служит человечеству, его продвижению вперед по пути цивилизации, с другой – губит человеческое в человеке, делает его потребителем. Следовательно, чем более растет национальное своеобразие народов, тем дальше отдалает

оно народы от первобытной связи с природой и от духовного единства всех народов. Чем самобытнее народ, тем глубже его связи с цивилизацией. А значит, более тесное духовное единство было у народов на стадии первобытности.

Обращаясь к легендам, Ч. Айтматов показывает, насколько близки духовные связи между народами, а поскольку в цивилизованном обществе они уже утрачены, то только детям и старикам свойственна эта первобытная духовность. Наверное поэтому главными героями “Белого парохода” становятся старый Момун и маленький Мальчик. Орозкул же несет в себе разрушительную силу цивилизации, которой первобытная духовность не может противостоять в силу своей доброты и незащищенности. И все же добро непобедимо, потому что оно ускользает от всепоглощающей силы зла, с тем, чтобы, накопив сил, вступить в схватку с ним. Финал “Белого парохода” – достойный финал сказки, ведь недаром второе название повести – “После сказки”.

Таким образом, использование мифологических сюжетов, и в целом, поэтики мифа становится творческой необходимостью для писателя, которому уже тесно в рамках национальной литературы, и он выходит на планетарный уровень. Этот уровень уже ощущим в повести “Ранние журавли”, где отсутствуют мифологические сюжеты, читатель находит параллельное следование за реалистическими образами символических образов эпических персонажей, обращенных своими корнями к эпосу “Манас”. “А в повести “Пегий пес, бегущий краем моря” Ч. Айтматов, объединяя нивхский и кыргызский фольклор, вводит в художественную структуру повести эпическую условность, изображая реальность”, – так считает исследователь творчества Ч. Айтматова проф. К. Асаналиев [16].

Богатый опыт писателя в освоении и использовании мифологических элементов выразился и в первом романе Ч. Айтматова “И дольше века длится день”, где были использованы другие толкования отдельных мифологических сюжетов. В романе, кроме легенд “Птица Доненбай”, “Белое облако Чингисхана”, “Сказание о Раймалы-ага и Бегимай” используются и другие фантастические линии. Внутренний мир человека изображается через призму общечеловеческой нравственности, заложенной предками. Н. Потапов, который одним из первых откликнулся на это произведение Ч. Айтматова, отметил внутреннюю потребность писателя обратиться к фольклорным, мифологическим: “Новая работа вместила автобиографию его души – от первых, еще детских соприкосновений с добром и злом до тяжелой немоты и озарений

перед лицом “проклятых” вопросов земного существования в пору возмужания и зрелости” [17, с. 3].

Начиная с ранних рассказов фольклор и мифология являются неотъемлемой составляющей практически всех произведений писателя. На каждом этапе творчества Ч. Айтматова выявляются все новые способы и возможности использования мифологических сюжетов в канве художественных произведений. Переосмысливая богатейшее народное творчество, писатель не только создает замечательные художественные произведения, но и является одновременно историком, вписывающим в современные исторические контексты неувядающую мудрость ушедших поколений. История в художественном творчестве Ч. Айтматова предстает как непрерывная линия от прошлого через настоящее – к будущему.

Таким образом, народная мифология, отраженная в мифолого-нарративном дискурсе произведений Ч. Айтматова, является способом творческого самовыражения. По мнению писателя, “... обращение к мифам, легендам, притчам – это попытка найти современное применение прошлому” [18, с. 443].

Литература

1. Автономова Н.С. Рассудок-Разум-Рациональность / Н.С. Автономова. М.: Наука, 1988.
2. Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира / М. Ферро. М.: Высшая школа, 1992.
3. Акматалиев А.А. Слово об Айтматове / А.А. Акматалиев. Бишкек, 1991.
4. Асаналиев К. Аил Шекер и космос. Ч. Айтматов: Художественная семантика образов / К. Асаналиев. Бишкек, 2004.
5. Белая Г.А. Философско-этические проблемы современной литературы / Г.А. Белая. М., 1982.
6. Бочаров А.Г. Эпос повседневности / А.Г. Бочаров // Литературное обозрение. 1981. № 3. С. 8–12.
7. Гачев Г.Д. О национальных картинах мира / Г.Д. Гачев // Народы Азии и Африки. 1967. № 1. С. 77–92.
8. Ибраимов К. Миф и миропонимание в гуманистической философии Чынгыза Айтматова / К. Ибраимов. Бишкек, 1998.
9. Кацев А. Роль Ч. Айтматова в сближении национальной и общечеловеческой культур / А. Кацев // Данакер. 2008. № 2. С. 34–35.
10. Лайлиева И.Д. Кыргызский роман на рубеже 20–21 веков / И.Д. Лайлиева. Бишкек, 2009.
11. Озмитель Е.К. Феномен Ч. Айтматова / Е.К. Озмитель // Литературный Киргизстан. 1988. № 12. С. 3–6.

12. *Эркебаев А.* Малоизученные страницы истории кыргызской литературы / А. Эркебаев. Бишкек, 1999.
13. *Сыдыкова Г.Б.* Чингиз Айтматов и русский литературно-критический дискурс: социально-фило-софские искания и контекст романного творчества / Г.Б. Сыдыкова. Бишкек, 2013.
14. *Мамытбекова Ч.* Особенности творчества русскоязычных писателей Средней Азии / Ч. Мамытбекова // Этносы и культуры Кыргызстана в историческом взаимодействии. Тюрко-славяно-германские культурно-языковые связи: Труды Международной научной конференции КРСУ. 25–26 сентября 2012 г. Бишкек: КРСУ, 2013.
15. *Гачев Г.* Ментальности народов мира / Г. Гачев. М.: Эксмо, 2003.
16. *Асаналиев К. Ч.* Айтматов: поэтика художественного образа: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / К. Асаналиев. Фрунзе, 1989.
17. *Потапов Н.А.* Мир человека и человек в мире / Н.А. Потапов // Правда. 1981. 16 февраля.
18. *Айтматов Ч.* Собр. соч.: в 3 т. / Ч. Айтматов. М., 1984.